

Джек Лондон
—
Дочь снегов

Москва
2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Jack London
A DAUGHTER OF THE SNOWS

Перевод с английского
Валентина Сметанича

Художественное оформление серии
Степана Костецкого

Лондон, Джек.

Л76 Дочь снегов / Джек Лондон ; [перевод с английского
В. Сметанича]. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. —
(Яркие страницы).

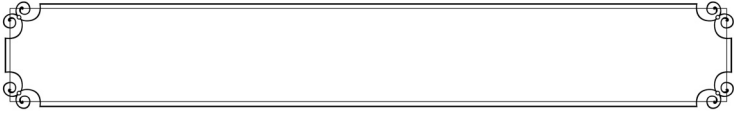
ISBN 978-5-04-190977-2

Фрона Уэлз, главная героиня романа, натура сильная, умная, отважная, независимая и свободная от светских условностей и в то же время необыкновенно обаятельная — словом, женщина, способная думать, любить, бороться и делить испытания наравне с лучшими из мужчин. Любовный треугольник на фоне безумной «золотой лихорадки» Клондайка, приключений золотоискателей и трагической судьбы индейцев — захватывающее смешение жанров.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-190977-2

ГЛАВА I

— Все готово, мисс Уэлз. Но, к сожалению, у меня нет возможности дать вам пароходную шлюпку.

Фрона Уэлз поспешно встала и подошла к старшему офицеру.

— Мы очень заняты, — пояснил он, — а золотоискатели — чрезвычайно ненадежный груз, по крайней мере...

— Я понимаю, — прервала она, — что веду себя назойливо. Мне очень неловко доставлять вам столько хлопот, но... но... — Она быстро повернулась и указала на берег: — Видите тот большой бревенчатый дом? Вон между соснами и рекой? Я родилась в этом доме.

— В таком случае я, пожалуй, и сам бы очень торопился, — сочувственно пробормотал офицер, проводя ее через толпу, теснившуюся на палубе.

Все мешали друг другу, и притом не было ни одного человека, который не объявил бы об этом во всеуслышание. Тысячи золотоискателей требовали немедленной выгрузки на берег своей поклажи. Из глубины зияющих люков пронзительно свистящие паровые подъемные краны беспрерывно выхватывали груз и сбрасывали на большие плоскодонные лодки, со всех сторон окружавшие пароход. На каждой из этих лодок

толпа вспотевших людей судорожно хваталась за свешивающиеся стропы и разбрасывала кругом тюки и ящики в лихорадочных поисках своего добра. Иные, перегнувшись через поручни палубы, крича, размахивали багажными квитанциями. Иногда два или три человека сразу предъявляли права на один и тот же предмет, и тогда поднимался отчаянный спор. Вещи с клеймом «два круга» и «круг и точка» вызывали бесконечные пререкания, а на каждую ручную пилу находилась дюжина претендентов.

— Ревизор говорит, что он сойдет с ума, — сказал старший офицер, помогая Фроне Уэлз спуститься к трапу, — портовые чиновники вернули груз пассажирам и бросили работу. Но все-таки нам повезло больше, чем «Вифлеемской Звезде», — заверил он Фрону, указывая на пароход, бросивший якорь в четверти мили от них. — У половины его пассажиров есть вьючные лошади, чтобы добраться до Скагуэя и Белого Ущелья, а остальные направляются через Чилкут. Портовые чиновники подняли бунт, и теперь там абсолютное бездействие.

— Эй, вы! — закричал он, подавая знак белому баркасу «Уайтхолл», который скромно качался на волнах за линией скучившихся лодок.

Пытаясь проскочить, крошечный баркас храбро поплыл к огромной барже. Но лодочник неудачно бросил бечеву и попал в ворот. Баркас повернулся на месте и остановился.

— Берегись! — крикнул старший офицер.

Два семидесятифутовых каноэ, переполненные людьми и грузом, отчалили от кормы и понеслись на всех парусах. Одно из них сразу же направилось к пристани, а другое притиснуло баркас к барже. Лодочник успел вовремя поднять весла, но его маленькое суде-

нышко затрещало и, казалось, вот-вот будет раздавлено. Вскочив на ноги, он в коротких, но сильных выражениях послал проклятие всем находившимся в каноэ и на барже. Какой-то человек свесился через борт баржи и ответил ему не менее красноречиво, между тем как находящиеся в каноэ белые и индейцы залились насмешливым хохотом.

— Эй ты, маргаритка!¹ — закричал один из них. — Отчего ты не научился грести?

Кулак лодочника попал насмешнику прямо в подбородок и, оглушив, отбросил его на кучу сваленных товаров. Не довольствуясь столь кратким ответом, лодочник собрался было действовать и дальше. Однако ближайший к нему старатель схватился за револьвер, который, к счастью, застрял в новой кожаной кобуре. Его товарищи-золотоискатели, смеясь, ожидали исхода стычки. Но каноэ двинулось вперед, и индеец-рулевой, ударив лодочника концом своего весла в грудь, опрокинул его на дно баркаса.

Когда разразившаяся буря проклятий и богохульств, казалось, неминуемо приведет к жестокой драке или даже к убийству, старший офицер украдкой взглянул на девушку, стоявшую с ним рядом. Он ожидал увидеть на ее лице испуг и смятение и совсем не был подготовлен к тому, что представилось его глазам. Девушка была, по-видимому, возбуждена и глубоко заинтересована.

— Прошу прощения, — начал он.

Но она прервала его, как будто недовольная его вмешательством:

— Нет, нет. Не за что. Мне очень весело. Все же я довольна, что револьвер этого человека застрял в кобуре. Если бы этого не произошло...

¹ Маргаритка — насмешливое прозвище ирландцев.

— Наша высадка задержалась бы. — Старший офицер засмеялся, обнаруживая свою тактичность.

— Этот человек — просто грабитель, — продолжал он, указывая на лодочника, направлявшегося в это время к ним. — Он взял двадцать долларов за то, чтобы доставить вас на берег. И сказал при этом, что, будь вы мужчиной, он взял бы двадцать пять. Он — пират, поверьте мне, и когда-нибудь ему не миновать виселицы. Двадцать долларов за получасовую работу! Подумайте только!

— Эй, вы! Полегче на поворотах! — угрожающе крикнул тот, о ком шла речь, неуклюже причаливая и опуская в воду одно весло. — По какому праву вы ругаетесь? — добавил он вызывающе, выжимая мокрый рукав своей рубашки.

— У вас недурной слух... — начал старший офицер.

— И крепкий кулак, — перебил тот.

— И язык у вас тоже хорошо подвешен.

— В моем деле без этого не обойдешься. С вами, акулами, иначе пропадешь. Так это я, стало быть, пират? Кто же тогда вы с вашей гурьбой пассажиров, стиснутых, как селетки в бочке? Берете с них двойную цену первого класса, кормите той же пищей, что и палубных пассажиров, и сваливаете их в кучу хуже, чем свиней! Это я-то пират?!

Какой-то краснолицый человек, свесив голову через перила верхней палубы, дико завопил:

— Я требую, чтобы мой багаж был доставлен на берег! Поднимитесь сюда, мистер Терстон! Сейчас же! Немедленно! Пятьдесят моих пони перегрызут друг другу горло в этой вашей грязной конуре, и вам плохо придется, если вы моментально не переправите их на берег! Каждый день задержки обходится мне в тысячу долларов, и я не хочу больше терпеть это! Слышите?

Не хочу! С тех пор как мы вышли из Сиэтла, вы ободрали меня как липку. Клянусь адом, с меня довольно. Не будь я Тэд Фергюсон, если я не разнесу эту паровозную компанию! Слышите, что я говорю? Я — Тэд Фергюсон, и вам не поздоровится, если вы немедленно не явитесь сюда! Слышите?

— Это я-то пират? — продолжал бормотать лодочник. — Кто пират? Я?

Мистер Терстон успокаивающе помахал рукой краснолицему человеку и обернулся к девушке:

— Мне бы очень хотелось самому доставить вас на берег и проводить до склада, но вы сами видите, сколько у нас хлопот. До свидания, счастливого пути. Я отряжу сейчас двух человек, чтобы отвезти ваш багаж. Вы получите его на складе завтра рано утром.

Фрона легко оперлась на его руку и спустилась в лодку. Под тяжестью ее тела утлое суденышко неожиданно накренилось и зачерпнуло воды, которая доверху залила ее ботинки; но она отнеслась к этому довольно спокойно и, усевшись на корме, подобрала под себя ноги.

— Подождите! — крикнул офицер. — Так не годится, мисс Уэлз. Вернитесь обратно, и я постараюсь раздобыть для вас одну из наших шлюпок.

— Сперва я увижу вас на небесах, — возразил лодочник, отчаливая. — Пустите! — крикнул он угрожающе.

Мистер Терстон крепко ухватился за руль и в награду за свое рыцарство получил сильный удар веслом по пальцам. Забыв все правила приличия, а заодно и мисс Уэлз, он злобно выругался.

— По-моему, мы могли бы проститься иначе! — крикнула Фрона и звонко расхохоталась.

— О, господи! — пробормотал он, вежливо снимая фуражку. — Вот это женщина! — И совершенно

неожиданно его охватило неодолимое желание всегда смотреть в серые глаза Фроны Уэлз. Он не был способен к анализу и не понимал причины своего желания, но он знал, что мог бы пойти за ней на край света. Он почувствовал отвращение к своей профессии, и искушение бросить все и отправиться вслед за ней в Клондайк охватило его. Взглянув на борт парохода и увидев красную физиономию Тэда Фергюсона, он забыл о своей мимолетной мечте.

«Фюйть!» — брызги воды от весла лодочника, с усилием рассекавшего волны, попали на лицо Фроны.

— Надеюсь, вы не сердитесь, мисс, — извинился он, — я стараюсь изо всех сил, а это очень немного.

— Похоже, что так, — ответила она добродушно.

— Не могу сказать, чтобы я любил море, — огорченно заметил он, — но мне нужно каким-то честным путем сколотить немного денег, и мне кажется, что я выбрал наилучший способ. Я бы уже давно был в Клондайке, если бы мне хоть капельку везло. Я вам скажу, в чем тут дело. На полпути, у Пустого Рукава, я потерял свое снаряжение, когда уже было перетащил его через Ущелье...

«Фюйть! Фюйть!» — Фрона вытерла лицо, дрожа от холодной струи, катившейся по ее спине.

— Вы молодчина, — подбодрил он ее, — вполне подходите для жизни здесь. Направляетесь дальше?

Она весело кивнула.

— Ну что ж? Вам можно. Так вот, когда я потерял свое снаряжение, мне пришлось вернуться на берег — надо было торопиться приобрести новое. Потому-то я и запрашиваю так много. Надеюсь, что вас это не огорчит. Уверяю вас, мисс, я не хуже других. Мне пришлось отдать сотню за эту старую лохань, которой в Штатах красная цена десять долларов. Тут на все такие цены.

Дальше, к Скагуэю, гвозди для подков стоят четверть доллара за штуку. Идешь в бар, заказываешь себе виски — тоже полдоллара. Ничего не поделаешь. Пьешь свое виски, бросаешь на стойку пару гвоздей для подков — все в порядке. Никто не возражает. Гвозди для подков заменяют там разменную монету.

— Вы смелый человек, если после такого урока снова решаетесь отправиться в путь. Как вас зовут? Мы можем встретиться в Клондайке.

— Кого? Меня? О, мое имя — Дэл Бишоп, я — старатель! И если мы когда-нибудь встретимся, помните, что я поделюсь с вами последней рубашкой, то есть я хочу сказать, что отдам вам мой последний кусок хлеба.

— Благодарю вас, — ответила она, ласково улыбаясь. Эта девушка ценила все, что шло от чистого сердца.

Перестав грести, он нашел на дне лодки старый роговой черпак.

— Не мешало бы вам немного вычерпать воду, — заметил он, перебрасывая ей черпак. — Лодка стала течь еще больше после того, как ее так сдавили.

Улыбнувшись про себя, Фрона подоткнула юбки и принялась за работу. Каждый раз, как лодка ныряла в воду, на горизонте, подобно огромным волнам, поднимались и опускались покрытые ледниками горы. Время от времени давая отдых своей спине, она смотрела на кишасий людьми берег, к которому они приближались, и на врезающийся в землю морской канал, где стояло на якоре около двадцати больших пароходов. Между ними и берегом беспрестанно сновали большие плоскодонные лодки, баркасы, каноэ и еще множество других более мелких суденышек. Человек — неустанный труженик, вечный борец с враждебной средой,

думала Фрона, вспоминая учителей, к чьей мудрости она приобщила на лекциях и в часы ночных занятий. Она была дитя своего века и отлично понимала, что такое материальный мир и его проявления. И она любила этот мир и глубоко почитала его.

Некоторое время их молчание нарушалось только плеском воды под веслами Дэла Бишопа; вдруг он что-то вспомнил.

— Вы не сказали мне вашего имени, — заметил он со снисходительной деликатностью.

— Мое имя — Уэлз! — ответила она. — Фрона Уэлз. Его лицо отразило глубочайшее благоговение.

— Вы Фрона Уэлз? — медленно произнес он. — Ваш отец Джекоб Уэлз?

— Да, я дочь Джекоба Уэлза, к вашим услугам.

Он понимающе свистнул и перестал грести.

— Ну, тогда отправляйтесь обратно на корму и подберите ноги, а то они у вас совсем промокнут, — распорядился он. — И бросьте мне этот черпак.

— Разве я недостаточно хорошо черпаю воду? — возмущенно спросила она.

— Что вы! Вы работаете превосходно! Но, но вы... вы...

— Я ничуть не изменилась с того момента, как вы узнали, кто я. Продолжайте грести, это — ваше дело. А я позабочусь о своем.

— Нет, вы определенно молодчина! — восхищенно пробормотал Бишоп и снова налег на весла. — Так Джекоб Уэлз — ваш отец? Мне бы следовало об этом догадаться.

Как только они причалили к песчаной отмели, где лежали кипы самых разнообразных товаров и было полно людей, Фрона задержалась, чтобы пожать руку своему перевозчику. И хотя рукопожатие женщины,

нанявшей лодочника на работу, было необычным явлением, все же этот поступок соответствовал тому факту, что она дочь Джекоба Уэлза.

— Помните, что мой последний кусок хлеба принадлежит вам, — снова сказал он, не выпуская ее руки из своей.

— И ваша последняя рубашка тоже! Не забудьте этого!

— Однако вы молодец! — вырвалось у него с последним пожатием руки. — Будьте уверены!

Ее короткая юбка не стесняла движений, и она с неожиданным удовольствием заметила, что мелкие шажки, столь обычные для городских улиц, уже сменились у нее широким, размашистым шагом ходака на дальние расстояния, шагом человека, привыкшего к труду и лишениям. Не один золотоискатель, окинув взглядом ее щиколотки и икры в серых гетрах, мысленно подтвердил мнение Дэла Бишопа. Взглянув же на ее лицо, многие взглядывали еще и еще раз; это было лицо прямодушного человека и доброго товарища; глаза ее чуть-чуть светились улыбкой, всегда готовой вспыхнуть, если ей навстречу улыбнутся другие глаза. И улыбка эта в зависимости от чувств, ее вызвавших, была то веселой, то грустной, то насмешливой. А иногда свет этой улыбки озарял все ее лицо, придавая ему выражение искренней заинтересованности и дружелюбия.

У Фроны было много причин улыбаться, пока она, пересекая песчаную отмель, пробиралась сквозь толпу по направлению к бревенчатому зданию, о котором говорила мистеру Терстону. Казалось, время отступило здесь назад и транспорт вернулся в первобытное состояние. Люди, которые никогда в жизни не носили ничего, кроме маленьких свертков, превратились в носиль-

щиков тяжестей. Никто из них не шел выпрямившись, с поднятой головой, — все двигались, согнувшись в три погибели. Спины этих людей превратились во вычурные седла, и на них уже начинали появляться ссадины от ремней. Одни спотыкались под непривычным грузом, ноги их скользили, как у пьяных, и разъезжались во все стороны, пока у несчастных не темнело в глазах и они вместе с грузом не сваливались на краю дороги. Другие с плохо скрываемой радостью грузили свое добро на двухколесные тележки и весело тащили их, но застревали на первом же повороте, где дорогу загромождали огромные круглые валуны. Тогда они начинали постигать законы путешествий по Аляске: бросали тележку или катили ее обратно на берег и продавали там за баснословную цену последнему сошедшему на берег приезжему. Новички, обвешанные кольцами, патронами и охотничьими ножами (все вместе не менее десяти фунтов веса), бодро шагали вперед по дороге, а потом медленно тащились обратно, с отчаянием бросая всю эту амуницию. Так, задыхаясь и обливаясь потом, искупали сыны Адама грех своего праотца.

Фрона чувствовала какое-то неясное беспокойство среди этого бурного потока людей, обезумевших от жажды золота, и даже хорошо знакомая ей местность, где каждый шаг был связан для нее с воспоминаниями, показалась ей чужой из-за этих мечущихся, взбудораженных чужеземцев. Даже старые межевые столбы выглядели совсем незнакомыми. Все было как прежде, и все было иным. Здесь, на этом зеленом берегу, где она играла ребенком, где эхо ее голоса, перекатывавшееся от глетчера к глетчеру, пугало ее, тысячи людей безостановочно шныряли взад и вперед, вытаптывая нежную траву и нарушая безмолвие скал. А там дальше, на дороге, были еще тысячи таких же, как они, и дальше

за Чилкутом — еще тысячи. Вдоль всего побережья Аляски и до самого мыса Горн еще десятки тысяч властителей ветра и пара спешили сюда со всех концов земли. Дая по-прежнему с шумом и грохотом катила в море свои воды; но ее древние берега были исхожены бесчисленным множеством ног, и люди, непрерывно шедшие друг за другом, тянули мокрую бечеву, а перегруженные лодки медленно плыли за ними вверх по реке. Воля людей боролась с волей реки, и люди смеялись над старой Дайей, все глубже вытаптывая на ее берегах дорогу для тех, кто придет вслед за ними.

Дверь склада, некогда так хорошо знакомая Фроне, с порога которой она прежде со страхом наблюдала за необычным для нее зрелищем — заблудившимся охотником или торговцем мехами, — теперь была осаждена галдящей толпой. Где письмо «до востребования» было когда-то предметом удивления, там, заглянув в окошко, она увидела груды наваленных до потолка писем. Их-то и требовала с криками и воплями толпа. Перед складом, у весов, стояло множество людей. Индеец-носильщик бросал тюк на весы, владелец-белый что-то отмечал у себя в записной книжке, и наступала очередь следующего. Каждый тюк был обвязан ремнями и ждал носильщика для тяжелого перехода через Чилкут. Фрона пробралась вперед. Ее интересовал груз. Она вспомнила те дни, когда каждый тюк обходился старателю или торговцу в шесть центов, то есть сто двадцать долларов за тонну.

Какой-то новичок, взвешивавший свою кладь, справился в своем путеводителе. «Восемь центов», — сказал он, обращаясь к индейцам. Индейцы презрительно расхохотались и хором ответили: «Сорок центов!» Лицо новичка вытянулось, и он с беспокойством посмотрел вокруг. Уловив сочувствие в глазах Фроны,